

— ...?

Цзинь Ань, прижимая к груди одежду, растерянно смотрел на Цинь Чжао. Он не совсем понял, что имел в виду мужчина. Неужели тот насмехается над его трусостью? Но, заметив, как плотно сжались губы Цинь Чжао после этих слов и какое выражение досады промелькнуло на его лице, Цзинь Ань засомневался.

Отношение Цинь Чжао к нему всегда было скверным: вечно недовольная гримаса, грубые рывки за руку под палящим солнцем, полное безразличие, когда в подвале Толстяк использовал его как живой щит. Однако странным было то, что Цзинь Ань, сам того не понимая, всё равно ему доверял.

Из-за внешности, что ли?

Цзинь Ань смотрел на слегка нахмурившегося Цинь Чжао, который, казалось, ждал ответа, и чувствовал неуверенность. У того было правильное, красивое лицо с четкими, резкими линиями и глубоко посаженными глазами. Когда он стоял на свету, надбровные дуги отбрасывали тень, скрывавшую его узкие глаза, что делало его вид холодным и отчужденным.

Цзинь Ань был значительно ниже, поэтому, глядя на него, всегда немного задира голову. Поскольку он был не слишком сообразительным и с трудом запоминал людей, он привык вглядываться в них очень внимательно — по крайней мере, с Цинь Чжао дело обстояло именно так. Из-за этого ракурса он отчетливо видел все эмоции собеседника. Как и у любого другого человека, будь то отвращение или презрение, всё это ясно отражалось в его глазах. И сейчас Цзинь Ань отчетливо разглядел в них мимолетную досаду.

Цзинь Ань прикусил губу и тихо спросил:

— Ты обо мне беспокоишься?

Цинь Чжао опешил, инстинктивно желая возразить:

— Что за глупости ты...

— Разве нет? — Цзинь Ань бесцеремонно перебил его.

Цинь Чжао осекся. Он опустил взгляд на юношу перед собой. Тот слегка задрал подбородок, его удивительно красивое лицо покраснело от сдерживаемых чувств, а изящные брови были нахмурены.

— Если не беспокоишься, то почему всё время смотришь на меня? — с обидой и легким гневом спросил Цзинь Ань. — Я тебе так противен? Но если я тебе неприятен, зачем тогда вообще со мной разговариваешь?

Изначально Цзинь Ань хотел просто спросить, а если бы в ответ снова услышал насмешку, то

молча ушел бы в комнату. Но стоило ему начать, как слова полились рекой, словно прорвало плотину, и накопившиеся обиды и сомнения хлынули наружу.

— Я слабый, трусливый, вечно выкидываю какие-то фокусы — так почему бы тебе просто не держаться от меня подальше? Именно так и поступают, когда кто-то неприятен, а не... не...

— А не что? — Цинь Чжао, казалось, был настолько ошарашен, что повторил вопрос машинально.

Он всё еще хмурился, но перестал небрежно опираться на дверной косяк и выпрямился, напрягшись всем телом. У Цзинь Аня покраснели глаза и кончик носа, в глазах застыла влага. Его взгляд был направлен прямо на Цинь Чжао, и это едва заметное дрожание в глубине его глаз отозвалось в сердце мужчины странным, ноющим чувством, словно его ударило слабым разрядом тока.

— А не что? — глядя на жалкий вид юноши, он снова, как дурак, переспросил.

Цзинь Ань шмыгнул носом и глухо произнес, словно голос его был пропитан водой:

— А не дразнить меня, одновременно высмеивая.

Если он действительно его не любит, то пусть держится в стороне. Других игроков он просто игнорирует, а к нему вечно цепляется с язвительными замечаниями. Нельзя так поступать, ведь...

— Я ведь не совсем дурак. — Цзинь Ань с покрасневшими глазами посмотрел на Цинь Чжао и закончил свою мысль.

...

Цинь Чжао молчал. Под этим полным обиды взглядом он словно лишился дара речи. Он смотрел на Цзинь Аня, а в голове вертелась лишь одна мысль: неужели он действительно перегнул палку? Как он умудрился довести его до слез? Разве он его обижал?

— Так я тебе правда противен? — этот вопрос маленького духа прозвучал как жалоба, и Цинь Чжао почувствовал себя настолько неловко, что снова не смог выдать ни слова.

— Гости, вам пора переодеться.

Горничная, закончив обход, снова подошла к дверям первых комнат. Двое гостей, чьи номера были рядом, стояли лицом к лицу, так и не зайдя внутрь. Она встала рядом с Цзинь Анем и снова поторопила его.

Грубый, хриплый голос горничной прервал накал эмоций. Цзинь Ань, словно очнувшись, поспешно опустил глаза, избегая ошарашенного взгляда Цинь Чжао.

— Угу, — тихо отозвался он.

Лучший момент, чтобы зайти в комнату вдвоем, был упущен. Под прямым, жгучим взглядом горничной Цзинь Ань пришлось набраться смелости и повернуть дверную ручку.

Скрип!

Тяжелая дверь с глухим звуком подалась вперед, и в узком проеме показалась лишь непроглядная тьма. Воздух внутри был спертый, с тем же затхлым запахом сырости, что и в подвале.

Как темно...

Густая тьма, нахлынувшая из глубины комнаты, заставила Цзинь Аня невольно замереть. Ему подсознательно хотелось сбежать, но взгляд Цинь Чжао за спиной словно подталкивал его вперед. Когда он сделал шаг, из-под широких штанин показалась его белая, нежная ступня — словно единственный источник света во тьме, она тут же приковала взгляд Цинь Чжао.

Но эта белизна, подобная бараньему жиру, тут же была поглощена мраком. Цинь Чжао почти инстинктивно шагнул к комнате Цзинь Аня, но в следующую секунду путь ему преградила горничная.

— Гость, вам пора заходить.

Цзинь Ань, услышав движение позади, обернулся. В густой, почти осязаемой тьме его открытая кожа казалась ослепительно белой, словно он был опутан этим мраком. От этой картины у Цинь Чжао непроизвольно помрачнело лицо.

Однако Цзинь Ань истолковал это выражение по-своему: мужчина снова разозлился из-за его дерзких слов.

Да что такое! Неужели и сказать ничего нельзя? Настоящий шовинист!

Цзинь Ань нахмурился, глядя на него, и захлопнул дверь. Цинь Чжао дернулся от этого жеста, его брови нервно заходили ходуном, а в сердце поднялась волна неконтролируемой паники.

<http://bllate.org/book/20947/2123522>